

4. *Баранщиков В.* Нечастливые приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.
5. Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II.
6. *Чулков М. Д.* Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины / сост. Т. В. Артемьева, А. Ф. Замалеев. СПб., 1992.
7. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе : ст. и исслед. (1958–1993). СПб., 2005.

Е. А. Полетаева
г. Екатеринбург

Новые черты в жанре северорусской агиографии XVII века (на примере Жития Никодима Кожеозерского)

Семнадцатое столетие характеризуется не только поиском новых «средств художественного обобщения» [1] в литературе, но и проявлением писательского интереса к «человеческому» миру и «по вся дни» окружающим его бытовым реалиям. Важнейшей особенностью литературной традиции XVII века, по определению Д. С. Лихачева, стало усиление в ней «личностного начала», выражающегося как в собственно «авторской точке зрения», так и «в индивидуализации» действующих лиц [2, с. 138–164]. Личностную авторскую позицию в беллетристике во многом определяло, по мнению Е. К. Ромодановской, и само восприятие ее читателем [3, с. 6].

Древнерусская агиография, всегда строго подчинявшаяся определенному канону*, также не устояла перед веянием новаций. По общему замечанию Н. К. Гудзия, наполнение житий XVII века конкретным реально-биографическим материалом, есть «проявление внимания к индивидуальным особенностям жизни и поведения того лица, о котором писалось» [4, с. 341]. В житийный жанр начинают вторгаться «новые явления, которые сопутствовали открытию характера... идеализация в житийной литературе продолжала совершаться, но она совершалась на

---

* При этом соблюдение основного «житийного» правила – «не лгать на святого» ограждало агиографа от «бесконечности» вымысла, присущего сочинительству Нового времени.

иной почве – почве, в значительной мере сниженной и упрощенной» [5, с. 104–105]. М. Д. Каган-Тарковская указала на важность новой литературной и историко-культурной обстановки, в которой жития XVII века, развиваясь и трансформируясь, приобретали иные черты, отличные от агиографических памятников предшествующего периода [6]. Агиографии переходной эпохи было присуще «нарушение традиционной композиции, сюжетная избыточность», включение новых, несвойственных для нее мотивов. Этому способствовало и активное использование составителями житий других повествовательных жанров, в частности, документальной публицистики* и бытовой повести.

Изменяется не только подход к изображению героя, но, прежде всего, сам стиль сочинения. В. О. Ключевский полагал, что причина падения господствующего стиля житий в XVII веке кроется в большом тиражировании списков «неизвестными составителями». Переписывая жития для публики, «не посвященной в тонкости высокого слога», они отступали не только от риторических приемов, но и от обязательного церковного языка, приближая житие к «простой биографии» [8, с. 225].

На «простоту житийного рассказа и близость его к действительности» повлияло и постепенное удаление агиографии от церковной Службы. Жития, свободные от условий, налагаемых богослужением, написанные «под влиянием мысли о любимом и уважаемом старце, а не о святом, прославленном церковью», отличались «живостью черт и близостью к действительным явлениям жизни» [Там же, с. 226]. Эти слова В. О. Ключевского, как нельзя лучше подходят к литературной характеристике Жития Никодима Кожеозерского, написанного на основе воспоминаний «о любимом старце». Как Краткая, так и Пространная редакции памятника составлены людьми, не просто почитавшими, но и лично знавшими преподобного Никодима. Составители жития, схимонах Борис Львов (мирское имя Боголепа), и Иоанн Дятлев получили от святого Никодима благословение на иночество. Иоанн (в монашестве – Иаков) был духовным чадом старца, несколько раз посещал его пустыню и послужил ему при смерти.

Прежде чем обратиться к рассмотрению нового подхода составителей Жития Никодима Кожеозерского к изображению святого, следует отметить общие принципы изображения природы и человека в XVII веке. По утверждению исследователей «жизнерадостный, человекоутверждающий и просветительский» тон в целом характерен всему творчеству

---

* Например, Житие праведного Симеона Верхотурского «в своем первоначальном виде имело сложную жанровую природу: в нем сочетались черты агиографического и публицистического жанра» (См.: [7]).

семнадцатого столетия. По замечанию А. С. Демина, в русской культуре второй половины XVII века существенно изменяются художественные представления о мире и человеке [9], связанные со всеобщим интересом к драматургии. Поэтому писатели в разных жанрах литературы начинают сознательно изображать действия, жесты, мимику персонажей. «Такое подробное, можно сказать, живописание авторами физических движений героев», исследователь называет «живостью» героев*. А. С. Демин, указывает, что в литературе этого периода начинают появляться персонажи энергичные «в движениях, жестах, позах и мимике», скорые и расторопные, сообразительные в торговых и военных делах. Авторы сочинений как будто специально понуждают своих героев к активной деятельности и ценят в них любые проявления энергии.

В Житии Никодима Кожеозерского обнаруживается, как заметил Л. А. Дмитриев, «увлекательная сюжетность» [10]. Читатель жития заинтригован необычным для жития фабульным началом, в духе бытовой повести рассказывающим о перипетиях в судьбе героя. Никита (имя Никодима в миру) еще в детстве услышал Божественный голос, произнесший его монашеское имя, но жизненная дорога не сразу привела его в монастырь. Нехарактерное для житийного героя поведение обнаруживается, наш взгляд, как в частой смене мест жительства, так и в многообразии занятий. Герой как будто испытывает свою судьбу. Он оставляет родовое «земледелие» и по смерти родителей переселяется в Ярославль, где обучается кузнечному ремеслу. Неизвестна причина переезда Никиты в Москву, где трудом становится не только ремесло, но и торговля: *«седу ему по обычаю на месте своем, идеже обыкновенно есть продати случившаяся ему»***. Для житийного героя XIV–XVI веков занятие торговлей – дело наиредчайшее***.

Несвойственно было святому метаться при выборе жизненного пути – после смерти родителей он спешил отправиться в монастырь. Никита решает стать иноком лишь после исцеления от тяжкого недуга – результата отравления. Сам же «московский» эпизод с отравлением героя в доме у «единохудожна» товарища женой «злой и прокудливой»

---

* Под «живостью» следует понимать, пишет А. С. Демин, «эстетический результат детального прослеживания авторами процесса действий человека» [9, с. 31].

** Хотя здесь подразумевается, вероятно, не профессиональная купеческая торговля, а обычная для городского ремесленника розничная и мелкооптовая продажа, как правило, произведенного им товара.

*** Известно, что преподобный Трифон Печенегский (его житие было составлено в конце XVI – начале XVII в.) переодевался в купеческие одежды, но лишь по необходимости – для проповеди местным жителям христианского вероучения.

(имевший место уже в краткой редакции) был настолько новым и неожиданным, что составитель пространной редакции Жития Никодима Кожеозерского помещает его дважды (второй раз Никита подробно, в деталях, пересказывает историю с отравлением, объясняя юродивому причину своей болезни «во утробе»). Новым было и включение в повествование образа «злой» жены и эпизода с «зельем», крайне редких для агиографии, но хорошо известных читателю по бытовым повестям (жена Бажена Второго из «Повести о Савве Грудцыне» и др.).

Обратимся к сцене пострижения Никиты, которая, на первый взгляд, кажется вполне традиционной, однако имеет свои отличительные особенности. Если в житиях преподобных отцов предыдущих столетий (например, преподобных Александра Свирского, Кирилла Белозерского и Антония Сийского) духовники непременно «прозревают» в постриженниках – будущих святых – «сосуды Святого Духа», то в Житии Никодима архимандрит видит в Никите, прежде всего, положительные человеческие качества, необходимые для монашеской жизни: боголюбивый нрав, «непреложное мудрование», многое «тщание» и глубокое смирение. Архимандрит, глядя на юношу сквозь призму этих добродетелей, угадывает в нем способности к иночеству. Такая, вроде бы, малозаметная деталь, как обращение внимания архимандрита (вместе с ним автора, и читателя) на чисто человеческие черты постриженника, не «прозрение» в нем будущего святого, а соответствие его монашескому облику, является, на наш взгляд, новой чертой в изображении житийного героя. Здесь ни в коем случае не умаляется святость духовника, его способность «прозревать духовными очами», просто автор пишет об этих вещах более естественно, человечно и, в то же время, с большей осторожностью по отношению к «прозорливости».

В Житии преподобного Никодима высветился общий для всей литературы XVII века интерес к перемещениям, изображению «живости» персонажей. Так, Никита (имя Никодима в миру) семь раз меняет свое место жительства (село Иваньково, Ярославль, Москва, Чудов монастырь, Крутицы, Кожеозерский монастырь и, наконец, Хозьюга), а перед смертью возвращается в Кожеозерскую обитель. И другие герои Жития Никодима активно передвигаются, ведут себя достаточно энергично, всегда чем-то заняты и куда-то спешат. В описании движений персонажей подчеркивается их стремительность: *«скоро притекох»*, *«вскоре повеленное ему исполняет»* и др.

В литературе переходного периода вещи и предметы получают особую значимость. «Аскетизм по отношению к вещи, ее игнорирова-

ние сменяются пристальным вниманием, почитанием, любовью. Вещь, особенно диковинная, приносит радость, человек начинает ею пользоваться (а не прятать в ларях), окружать свое повседневное существование» [11]. В Житии Никодима Кожеозерского наблюдается интерес героев к бытовым вещам, редкий для агиографии XIV–XVI веков. Хотя описаний предметов повседневного быта не так много, но проявление пусть даже небольшого интереса к ним – новая черта в изображении агиографического героя. Не случайно упоминание в Житии Никодима «малых гвоздей», которые научился святой изготавливать в Ярославле: *«И по смерти отца своего преселися во град Ярославль и тамо изучися ковати гвоздя малаго»* [12]. Фраза *«изучися ковати гвоздя малого»* кажется нам немаловажной. Она указывает на то, что Никита в Ярославле овладел навыками малого кустарного кузнечного производства, вероятно, с использованием тонких полосок железа (либо проволоки) и нехитрого переносного инструмента (миниатюрной наковальни, тисков и т. п.) для обрезания заготовок, их заострения и плющения шляпок гвоздей. На наш взгляд, такая конкретизация могла восходить к рассказам самого Никодима. Выражение же *«бысть ковач железа»*, представленное в проложном житии святого, можно толковать более пространно, в том числе предполагать, что оно говорит о кузнечном ремесле широкого профиля*.

Примечательна история с покупкой «удиц» для пустынножителя по его просьбе. Некий брат, купив «удицы и, завязав их в плат свой, да еще же положи неколико и сребренниц тут же, и посла с некоторым знаемым человеком ко преподобному» [13]. В этом эпизоде подчеркивается неслезанная радость некоего брата, который, услышав о просьбе пустынножителя купить ему «удицы», скоро исполняет ее, от большой любви к старцу и усердия заворачивая в «плат» с удочками еще и несколько серебряных монет**. Старец же, прозорливо усматривая «денежный подарок», еще не взяв сверток, просит навестившего его человека забрать «сребряницы» себе.

Таким образом, Житие Никодима, продолжая развивать традицион-

---

* Это качественно иной уровень кузнечного мастерства, предполагающий наличие двора со стационарным кузнечным хозяйством.

** Упоминание денег, по мнению А. С. Демина, тоже характерная черта для XVII в.: «Дух времени давал о себе знать еще вот в чем. Герои постоянно упоминали о деньгах... на “живости” некоторых литературных героев, вероятно, как-то сказалось новое представление об особенностях реальной деятельности ряда купцов этого времени. Известен экстенсивный характер русской торговли в период сложения всероссийского рынка во второй половине XVII в.» (См.: [9, с. 111]).

ную тему «пустынного жития», включает новые изобразительные средства и приемы, характерные для литературы переходной эпохи.

-
1. *Моисеева Г. И.* Проблемы становления новой русской литературы // Современная советская историко-литературная наука: актуальные вопросы. Л., 1975.
  2. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы. X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973.
  3. *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
  4. *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1950.
  5. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. Развитие русской литературы. М., 1970.
  6. *Каган-Тарковская М. Д.* Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49.
  7. Комментарии. Историческая и агиографическая проза // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в.: История Сибири. Первоисточники / сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. Вып. X.
  8. *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. СПб., 1871.
  9. *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе и человеке. М., 1977.
  10. *Дмитриев Л. А.* Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27.
  11. *Мордвинова С. Б.* Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета // От Средневековья к Новому времени : материалы и исслед. по рус. искусству XVII – первой половины XIX века. М., 1984.
  12. ГИМ. Синод. Собр. № 850. 1646–1654 гг. Л. 531.
  13. Житие Никодима Кожеезерского по списку: РНБ. Соловецкое собр. № 182/182. Л. 53 об.

Е. Е. Приказчикова

г. Екатеринбург

Библиофилическая утопия масонов в XVIII веке

Одним из основных культурных мифов эпохи Просвещения является библиофилический культурный миф – миф об исключительном, а зачастую и единственном влиянии книги на нравственно-эстетическое самосознание и развитие человека. Это относится к мироощущению как эпохи классицизма, так и эпохи сентиментализма.